

СТРАТЕГИИ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ: ТИПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. И. Лебединский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lebedinskii@bsu.by*

В статье представлено теоретическое обоснование проблемы порождения речи в контексте стратегической теории исследования речевой деятельности. При таком подходе к анализу речемыслительных процессов уникальность, вариативность, многовекторность и многоуровневость порождения речи можно свести к относительно небольшому перечню общих (универсальных) и индивидуальных стратегий, которыми пользуются говорящие при порождении речи. Общим в стратегиях порождения речи является принцип реализации когнитивных операций, а индивидуальным – способы достижения цели, которые отличаются уникальностью и вариативностью и формируются в зависимости от пресуппозиционной, профессиональной, языковой и когнитивной компетентности говорящих, которая формирует операционный потенциал стратегий и стимулирует говорящих к порождению речи под индивидуальным углом зрения. В статье автор анализирует классификации стратегий порождения речи и проблемное поле их изучения.

Ключевые слова: порождение речи; стратегии порождения речи; речемыслительные стратегии; прагматические стратегии; речевые стратегии; дискурсивные стратегии; компенсационные стратегии; прагматическая иллокутивная интенция; скрытый (имплицитный) смысл; дискретные и недискретные смыслы; речевые тактики.

SPEECH GENERATION STRATEGIES: TYPOLOGY AND PROBLEM FIELD OF RESEARCH

S. I. Lebedinskiy

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4,
220030, Minsk, Republic of Belarus, lebedinskii@bsu.by*

The article presents a theoretical justification of the problem of speech generation in the context of the strategic theory of speech activity research. With this approach to the analysis of speech-thinking processes, the uniqueness, variability, multi-vector and multilevel nature of speech generation can be reduced to a relatively small list of general (universal) and individual strategies that speakers use when generating speech. Common in speech generation strategies is the principle of implementing cognitive operations, and individual - ways to achieve the goal, which differ in uniqueness and variability and are formed depending on the presuppositional, professional, linguistic and cognitive competence of speakers, which forms the operational potential of strategies and stimulates speakers to generate speech from an individual point of view. In the article, the author analyzes the classifications of speech generation strategies and the problem field of their study.

Keywords: speech generation; speech generation strategies; speech-thinking strategies; pragmatic strategies; speech strategies; discursive strategies; communication strategies; pragmatic illocutionary intention; hidden (implicit) meaning; discrete and non-discrete meanings; speech tactics.

Введение. Современная психолингвистика обладает богатым арсеналом экспериментальных данных, позволяющих описать различные процессуальные структуры речевого поведения говорящих и слушателей в процессе коммуникации. В то же время некоторые вопросы в этой области до сих пор остаются нерешенными и требуют теоретической проработки и экспериментальной верификации. Среди них особое место занимает проблема порождения речи, которая, несмотря на свою актуальность, до сих пор не нашла исчерпывающего решения в современной психолингвистике. Решение этой проблемы в аспекте выявления и описания максимально полного набора речемыслительных и речевых стратегий и тактик, используемых говорящими в процессе продуцирования речи, актуально не только для разработки стратегической теории порождения речи, но и для решения прикладных лингводидактических задач, связанных с обучением говорению иностранцев, а это требует внесения в действующие модели речепорождения дополнительного набора стратегий, отвечающих за внутренние межъязыковые перекодировки, которые должны быть ориентированы на точную передачу смысла задуманного и недопущение смысловых сбоев, обусловленных отрицательным воздействием межъязыковой интерференции двух контактирующих языков – русского и родного языка говорящих.

Основная часть. Наличие в психолингвистических исследованиях более полусотни моделей речепорождения свидетельствуют о том, что ученые-психолингвисты до сих пор не выработали единых подходов к исследованию процессов речепорождения и имеют разные взгляды на характер, направленность и способы реализации этих процессов, и именно поэтому проблема порождения речи до сих пор остается актуальной в современной психолингвистике [1]. Отсутствие объективных методов исследования процессов речепорождения, гипотетический характер существующих моделей речепорождения, наличие в процессуальной структуре речепорождения мгновенно реализуемых операций, протекающих на уровне имплицитного подсознания говорящего в неосознаваемой, словесно не выраженной, невербализуемой и некоммуницируемой форме – далеко не полный перечень проблем, затрудняющих изучение процессов порождения речи. На глубинном подсознательном уровне формируется мотив и интенции, которые в полном объеме, особенно в неподготовленном, спонтанном общении, не осознает говорящий вплоть до произнесения высказывания во внешней речи. В данном случае исследователи сталкиваются с парадоксальной ситуацией, когда говорящий сначала корректно строит свое высказывание в точном соответствии с мотивом речевого поступка и интенцией речепорождения, и лишь после его произнесения он может терминологически обозначить или объяснить вид интенции, которая инициировала его высказывание. Именно так происходит в неподготовленной, спонтанной речи, когда речевые продукты порождаются раньше, чем осмысление стимульных интенций, в соответствии с которыми строятся эти речевые продукты. Все это делает менталистские модели речепорождения достаточно уязвимыми в плане аргументации объяснительных схем, которые лежат в их основе. И хотя каждый исследователь понимает, что все речемыслительные процессы и операции действительно инициируются мотивами и интенциями, само их формирование требует изучения подсознания человека, однако надежных экспериментальных процедур и инструментов для этого нет. Есть лишь гипотезы и предположения, которые следует принимать на веру, поскольку они убедительны и логически непротиворечивы.

Изучение процессов порождения речи в контексте стратегического подхода к исследованию речевой деятельности перспективно по многим причинам. При таком подходе к анализу речемыслительных процессов уникальность, вариативность, многовекторность и многоуровневость порождения речи можно свести к относительно небольшому перечню общих (универсальных) и индивидуальных стратегий, которыми пользуются говорящие при порождении речи. Общим в стратегиях порождения речи является принцип реализации когнитивных операций, а индивидуальным – способы достижения цели, которые отличаются уникальностью и вариативностью и формируются в зависимости от пресуппозиционной, профессиональной, языковой и когнитивной компетентности говорящих, которая формирует операционный потенциал стратегий и стимулирует говорящих к порождению речи под индивидуальным углом зрения. Установленный в ходе такого исследования перечень стратегий речепорождения при необходимости может быть детализирован с помощью разбивки стратегий на микростратегии, а речевых тактик – на речевые шаги, которые позволят определить их вариативность на уровне отдельных речевых действий и операций. Подобный алгоритм исследования создаст возможность для построения психолингвистического фундамента лингводидактической теории поэтапного формирования речемыслительных и речевых действий при обучении носителей языка порождению речи на иностранном языке, а иностранцев – на русском языке. В комплексе с разработанной автором стратегической контекстуально-тезаурусной теорией понимания речи, детально описанной в докторской диссертации автора «Контекстуально-смысловые стратегии понимания устной научной речи» [2] и в его четырех монографиях «Восприятие устной научной речи: стратегии сегментации звучащей речи и идентификации терминов» [3], «Восприятие устной научной речи: стратегии понимания смысловой информации на уровне микро- и макротекстов» [4], «Стратегии смыслового восприятия и интерпретации устной иноязычной научной речи» [5], «Стратегии понимания устной научной речи: экспериментальное исследование» [6], стратегический подход к исследованию порождения речи существенно дополнит теорию речевой деятельности, придавая ей многоаспектный и многоуровневый стратегический характер, и создаст предпосылки для создания новых эффективных моделей обучения аудированию и говорению, основанных не на гипотетических обучающих доктринах, вроде методов обучения, а на реальных стратегиях и тактиках, которыми пользуются учащиеся при порождении и понимании речи. В этом смысле стратегии порождения и понимания речи можно отождествить с интегрированными моделями когнитивных действий, занимающих промежуточную позицию между навыками и умениями.

В классических трудах психолингвистов XX века ключевыми понятиями, используемыми при исследовании процессов речевосприятия и речепорождения, считались понятия «речемыслительные» и «речевые механизмы», которые позволяли описать базовые принципы функционирования речемыслительной деятельности в процессах порождения и восприятия речи. Начиная с XXI века в психолингвистике и прагмалингвистике произошел сдвиг исследовательской парадигмы в сторону разработки стратегической теории речевой деятельности, и на смену метафоризированным понятиям «языковые» и «речевые механизмы» пришли понятия «стратегии» и «тактики» восприятия и порождения речи, которые в большей мере отражают дина-

мические аспекты речемыслительной деятельности и её поэтапную и пошаговую реализацию при порождении и восприятии речи в актах коммуникации.

Речевая коммуникация и речемыслительная деятельность в целом – это стратегический процесс, базисом которого является выбор оптимальных языковых и речевых ресурсов для построения высказываний в соответствии с исходным коммуникативным замыслом. Отличительной чертой данной процедуры является обязательный и в определенном смысле «принудительный» характер такого выбора, обусловленный стремлением говорящего наиболее эффективно достичь поставленных коммуникативных целей. Стратегически выверенное речевое поведение говорящего «есть не просто конструирование языковых высказываний, а часть интерактивного процесса, в котором слушающий не пассивно воспринимает текст-сообщение говорящего, а активно интерпретирует его речевые действия, реализуя собственную стратегическую линию» [17, с. 96].

Согласно стратегической парадигме, планирование речевой деятельности и ее переход от внутренней речи к внешней осуществляется на основе широкого набора речемыслительных стратегий и тактик, которые формируют внутренний и внешний планы высказываний. Такое планирование речевой деятельности требует от говорящего и слушателя принятия множества решений относительно воспринимаемой и порождаемой речевой продукции и совершаемых действий (в том числе членение речевого потока на значимые элементы; идентификация их формы, функции, значения и смысла при восприятии речи; выбор слов, грамматических конструкций; комбинирование и конструирование фраз и задействование дискурсивных тактик при речепорождении). Закономерности в принятии решений в ходе речемыслительной и коммуникативной деятельности называют стратегиями речевосприятия и речепорождения.

Анализ имеющихся на сегодняшний день отечественных и зарубежных исследований стратегий речепорождения и речевосприятия свидетельствует о неоднозначности трактовки феномена стратегии, об использовании различных оснований для выделения тех или иных видов стратегий, об отсутствии единой и непротиворечивой их классификации, способной учесть все наиболее важные моменты и особенности речемыслительного поведения говорящих при порождении речи. При разграничении навыков и стратегий многие исследователи утверждают, что стратегии функционируют на более высоком уровне, чем навыки, а поэтому стратегии рассматриваются как процессы, которые руководят навыками и координируют их [7, с. 320]. Одни ученые различают более общие и более специфичные стратегии, другие – говорят о термине «стратегия», когда речь идет о наиболее общих поведенческих действиях говорящего или слушателя (например, стратегии делового общения, стратегии преодоления коммуникативных затруднений, когнитивные, коммуникативные и речевые стратегии). Наблюдается также определенная динамика трактовки стратегий в плане соотношения осознаваемого и/или неосознаваемого при их использовании. Так, в одних работах под стратегиями порождения речи и переработки речевой информации понимаются только те мыслительные процессы, к которым говорящие и слушатели осознанно прибегают при выполнении тех или иных когнитивно-коммуникативных задач [8, с. 92]. В других исследованиях стратегии охватывают весь набор осознанных, неосознанных, автоматизированных, алгоритмизированных и творческих действий, совершаемых говорящими и слушателями в целях обеспечения оптимального режима порождения или восприятия речи в процессе коммуникации.

тивной деятельности [9, с. 212]. В психологии и психолингвистике представлен многокомпонентный состав понятия «стратегии», которое включает в себя мотивационное звено, запускающее процесс речепорождения, внутреннее планирование речевого поступка и речемыслительных действий, в том числе и автоматизированных (неосознанных) действий говорящих, а также грамматическое структурирование высказываний по освоенным моделям, схемам и алгоритмам реализации стратегий. При этом в психологии и психолингвистике постулируется, что стратегии вариативны, и отдельные речеповеденческие схемы в них могут меняться местами, трансформироваться, переформатироваться и модифицироваться, но общая направленность реализации стратегии остается неизменной [10, с. 2019]. Нет в научной литературе единого мнения и относительно того, являются ли стратегии только мыслительными, прямо не наблюдаемыми действиями, или это понятие распространяется и на физические действия говорящих, которые пользуются ими для того, чтобы лучше разъяснить или продемонстрировать сказанное, и слушателей, которые прибегают к этим действиям, чтобы облегчить понимание, усвоение, сохранение в памяти воспринятой информации [7, с. 322].

В коммуникативной лингвистике и лингводидактике под стратегиями понимается осознание речевой ситуации в целом, определение направления развития и организация речевого взаимодействия в интересах достижения цели общения. То есть ключевыми в данных науках являются только осознанные речевые действия, а неосознанные или автоматизированные речемыслительные действия лежат вне сферы изучения стратегического потенциала говорящих. Не случайно в этих научных дисциплинах стратегии речепорождения трансформированы в стратегии речевого поведения, то есть в более общее по смыслу и функциям понятие, функционирующее на уровне планирования, грамматического структурирования и внешней реализации речи. Стратегии речевого поведения «предполагают отбор фактов и подачу их в определенной последовательности, заставляют говорящего адекватно организовывать свою речь, обуславливают выбор и использование адекватных языковых средств» [11]. Стратегии речевого поведения реализуются в речевых тактиках, под которыми понимаются речевые приемы, позволяющие говорящим достичь поставленных целей в конкретных ситуациях общения. Ясно, что в ситуациях бытового общения действуют одни речевые тактики, в ситуации делового общения – другие, в научной сфере общения – третьи. Речевые тактики используются как в монологической, так и в диалогической речи. При этом стратегической целью их использования может быть не только речевое воздействие на собеседника, но и получение максимума информации по теме общения, установление контакта с собеседником, психодиагностика собеседника или самопрезентация самого говорящего. Использование речевых тактик в диалогическом общении усложнено тем, что ход прагмоориентированного или спонтанно возникшего диалога не может быть запланирован заранее во всех деталях, как это возможно при подготовке к монологической речи, потому что говорящему неизвестен сценарий ответного речевого поведения собеседника на каждой стадии общения.

Наряду с понятием «речевые стратегии» в психо- и прагмалингвистике весьма распространенным является понятие «коммуникативные стратегии», которое, несмотря на свою терминологическую специфику, по большей части пересекается с понятием «стратегии речепорождения». Под коммуникативной стратегией понимается совокупность запланированных и реализуемых в ходе коммуникативного акта

речевых ходов, направленных на достижение коммуникативной цели. Внутреннее представление говорящего о сценариях и способах объединения этих речевых ходов в единое целое называется коммуникативной интенцией, которая формирует коммуникативные стратегии и определяет их направленность, речезыковой потенциал и тактики реализации. Коммуникативная цель – стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт. Коммуникативный акт имеет не только коммуникативную цель, но и коммуникативную перспективу, рассматриваемую как некую «модель будущего» в которой отражено то, чего намерен достичь говорящий в данном речевом акте. Коммуникативное намерение (или интенция) трактуется в качестве тактического хода, являющегося практическим средством движения к намеченной коммуникативной цели. Вся совокупность таких практических средств в реальном процессе речевого взаимодействия создает коммуникативную тактику. Е. В. Клюев в книге «Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия» предложил следующую схему, позволяющую понять соотношение элементов стратегии и тактики в коммуникативном процессе: опираясь на внутреннюю прагматическую установку, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель добиться запланированных результатов в общении и, следуя избранной коммуникативной интенции, актуализирует соответствующие коммуникативные стратегии, которая преобразуются в набор последовательно реализуемых коммуникативных тактик. При этом коммуникативные интенции функционально могут быть разделены на информативные, эмотивные (эмоционально-экспрессивные) и прагматические [12, с.18-20]. Сходную трактовку понятия «коммуникативная стратегия» можно встретить и у других исследователей. Так, согласно Т. В. Матвеевой, под коммуникативными стратегиями поднимается мыслительный план общения посредством речи, направленный на достижение общей коммуникативной цели в речевом событии, и, далее, организация говорящим своего речевого поведения в соответствии с этим планом, а также условиями общения, ролевыми и личностными особенностями речевых партнеров, культурной традицией. На доречевом этапе коммуникативная стратегия связана с общим замыслом говорящего, мотивацией задуманной им речевой деятельности и целеполаганием речи, с прогнозированием ее конечного практического и коммуникативного результата. На речевом этапе коммуникативная стратегия предполагает ряд творческих действий говорящего, направленных на достижение цели общения (осознанных или подсознательной психологической установкой): отбор фактов и других содержательных единиц речи, отбор слов и других единиц речевого оформления, ориентацию на определенные типы речевых актов (речевых тактик), выстраивание определенной последовательности структурно-содержательных частей целого в соответствии с выработанным планом и смоделированным результатом общения. Данный этап связан с отслеживанием намеченного движения к цели и контролем своей (а в диалоге и чужой) речи с этой точки зрения [13]. Исходя из такой трактовки понятия «коммуникативные стратегии», ясно, что эти стратегии, как и стратегии речепорождения формируются под воздействием, с одной стороны, личных мотивов, потребностей и установок говорящего, с другой стороны – системных ценностей культуры народа, действующих социальных норм общения и языковых правил построения высказываний. Полный и исчерпывающий набор коммуникативных стратегий в психо- и прагматике окончательно еще не установлен. В числе обсуждаемых в научной литературе генеральных стратегий: *информативная*, или *диктальная* коммуника-

тивная стратегия (замысел говорящего состоит в информировании речевого партнера), *модальная* коммуникативная стратегия (замысел или установка говорящего предполагает выражение его личного мнения, оценок и эмоций), *регулятивная* коммуникативная стратегия (замысел связан с желанием изменить поведение речевого партнера, ход коммуникативного события), *фатическая* коммуникативная стратегия (замысел связан с гармонизацией жизненных ритмов людей, гармоничным речевым общением как самостоятельной гуманитарной ценностью). Отдельный, технологический тип стратегий представляет собой *диалоговая* коммуникативная стратегия, с помощью которой отслеживается очередность речи в диалоге или полилоге, контролируется мера речевой активности партнера по общению и эксплицируется степень взаимопонимания собеседников. Коммуникативные стратегии реализуются в коммуникативных тактиках. Коммуникативная тактика – это речевой акт, взятый в аспекте целеполагания и представляющий собой конкретный этап осуществления коммуникативной стратегии. С помощью коммуникативной тактики говорящим решается одна из задач в границах избранной им коммуникативной стратегии. Например, регулятивная стратегия (намерение управлять поведением речевого партнера) в ходе коммуникативного акта может быть выражена в коммуникативной тактике замечания, пожелания, приказа, призыва, отвлечения внимания и др. Таким образом, коммуникативная тактика ответственна за речедетельностный аспект коммуникации, момент целенаправленности речевых действий и линию взаимодействия коммуникантов, а из этого следует, что понятие «речевая тактика» является составной частью более общего понятия «коммуникативная тактика».

Понятия «стратегии» и «тактики» могут рассматриваться как с когнитивной, так и с лингвистической точек зрения. Когнитивный аспект данных понятий подробно анализируется в работе Т.А. ван Дейка и В. Кинча, где рассматриваются способы реализации коммуникативных интенций во внешнем синтаксисе, переработки сложной информации в памяти, когнитивные ходы в мышления [14; 15, с. 153–211]. При этом основное внимание эти исследователи акцентируют на речевых (диалоговых, по классификации Т. А. ван Дейка и В. Кинча) стратегиях, то есть на специфических способах речевого поведения на уровне речевосприятия и речепорождения, осуществляемые под контролем «глобального намерения». Речевые стратегии на уровне внешней речи имеют не только внешнесинтаксические (корректность построения высказываний, их соответствие внутреннему плану высказываний), но и речемысле-тельные (когнитивные) измерения (например, планирование речи и контроль за выбором адекватных речевых ресурсов и корректностью речепорождения), однако речемысле-тельные шаги, посредством которых осуществляются эти ментальные процедуры, большей частью не имеют индикаторов во внешней речи и, следовательно, недоступны для лингвистического анализа. В этом смысле наблюдаемыми являются лингвистические и интеракционные характеристики, по которым можно определить, как и какими средствами такие цели могли быть достигнуты [16].

Речемысле-тельные и речевые стратегии определяют интенциональный, смысловой, семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего. К примеру, лингвопрагматическая стратегия вежливости накладывает определенные ограничения, касающиеся того, какое семантическое содержание следует выражать, а какое – нет, какие речевые акты для реализации данной стратегии уместны, какое стилистическое оформление приемлемо. В качестве примера, иллюстрирующего то, что происходит в сознании говорящего в момент планирования высказывания, можно

привести обращение директора фирмы к руководителю престижного телеканала (из телефонного разговора) с просьбой создать программу о руководимой им фирме или разместить рекламу о ее продукции на данном телеканале: *«Я хотел бы задать вам вопрос, который, возможно, трансформируется в просьбу»*. Выбранный говорящим способ речевого оформления данного высказывания показывает, что он осознает нежелательность прямого обращения с просьбой к руководителю престижного телеканала в начале разговора из-за высокого имиджевого статуса получателя информации и ожидаемого эффекта речевого воздействия на него [17], а поэтому просьбу он маскирует вводным камуфляжным выражением: *«Я хотел бы задать вам вопрос»*. В зависимости от интенций говорящего речевые стратегии могут носить как частные, узкоконкретные цели (например, обратиться с просьбой, за советом, пригласить к совместному действию, поздравить, утешить, поблагодарить, согласовать свои действия и т.п.), так и общие цели (например, на установление и поддержание деловых контактов, статуса, самопрезентации, вербальной демонстрации своей власти, подтверждение солидарности с группой). В связи с этим речевые стратегии подразделяются на общие и частные. Например, общая стратегия дискредитации конкретного лица (обычно отсутствующего при разговоре и присутствующего только при конфликтном дискурсе) реализуется в частных стратегиях обвинения, упрека, оскорбления, отрицательной оценки. В свою очередь частные стратегии могут быть реализованы в соответствующих речевых тактиках. Так, стратегия обвинения в зависимости от ситуации общения и установок говорящего может быть выражена как в деликатной, так и в грубой форме. Поскольку коммуникативные ситуации разнообразны, очень сложно представить исчерпывающую классификацию частных стратегий. Аналогом подобной классификации может служить типология речевых актов [18, с. 151–197; 19, с. 22–140] и речевых жанров [20, с. 20–32], но и такая типология не способна учесть все возможные сценарии реализации коммуникативных интенций и прагматических установок говорящего в различных ситуациях общения. Причем, как отмечает О. С. Иссерс, исследователь всегда найдет пример речевых действий, с трудом подводимый под какой-либо конкретный тип речевого акта либо речевого жанра. В таких ситуациях, по мнению О. С. Иссерс, целесообразно идти от общих стратегических задач к частным, решаемым применительно к конкретному коммуникативному акту. При этом следует выделить наиболее продуктивные в речевом общении частные стратегии, номенклатура которых пересекается с номенклатурой речевых жанров и речевых актов. При таком подходе решение вопроса о таксономии речевых стратегий будет во многом зависеть от того, какие языковые корреляты будут обнаружены для их идентификации [17].

О. С. Иссерс считает, что классификация общих речевых стратегий зависит от избранного основания классификации. С функциональной точки зрения она выделяет основные (*семантические, когнитивные*) и вспомогательные стратегии [17]. Основные стратегии – это стратегии, которые в данной коммуникативной ситуации являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей общения. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель и картину мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное). Вспомогательные стратегии – это стратегии, которые содействуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на получателя речи. Стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат,

канал связи, коммуникативный контекст (сообщение является предметом семантических стратегий). Коммуникативная ситуация диктует выбор речевого акта, оптимального с точки зрения интенции говорящего. Использование с этой целью косвенных речевых актов могут быть стратегически мотивированным, что позволяет говорить о прагматических речевых тактиках. Рассмотренные типы могут быть объединены в один класс прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий. В соответствии с задачами контроля за организацией диалога применяются диалоговые стратегии, которые используются для мониторинга темы и степени понимания порождаемых текстов собеседниками [21]. При этом О. С. Иссерс использует понятие «диалоговые стратегии» не в том смысле, в каком употребил его Т. А. ван Дейк, противопоставив диалоговые (или речевые) стратегии, когнитивным стратегиям [22], а, скорее, как синоним «конверсационных стратегий» [17]. К последнему типу стратегий О. С. Иссерс относит риторические стратегии, под которыми исследователь понимает особый тип стратегий, в рамках которых используются различные приемы и техники эффективного речевого воздействия на собеседника. Таким образом, к вспомогательным стратегиям О. С. Иссерс относит прагматические, диалоговые и конверсационные типы стратегий [17]. Прагматический тип речевых стратегий «обслуживает» цели самопрезентации, самовыражения и все виды целей, связанных с установкой на кооперативное общение. Актуализация диалоговых стратегий обусловлена желанием говорящего управлять коммуникативной ситуацией. Цели, обращенные к сфере интеллектуальных, речевых и языковых ресурсов говорящего, реализуются в семантических и прагматических стратегиях.

Классификация О. С. Иссерс, как и большинство других лингвистических классификаций речевых стратегий, весьма условна и приближительна. Как отмечает М. Т. Рахматуллаева, в этом можно убедиться, если рассмотреть связи и взаимовлияние разных типов стратегий. Так, в классификации речевых стратегий О. С. Иссерс нетрудно обнаружить идентичность некоторых функций диалоговых и семантических стратегий. Например, смена темы (стратегия контроля над темой) может сигнализировать, в том числе, и о смене речемыслительных (или когнитивных) стратегий, поскольку когнитивные стратегии связаны с непосредственными целями речевого общения и воздействия, а все остальные речевые стратегии, перечисленные Л. С. Иссерс, коррелируют со второстепенными или дополнительными целями общения [16]. К тому же в разработанной О. С. Иссерс классификации речевых стратегий анализу когнитивных (речемыслительных) стратегий уделено мало внимания, и это, несмотря на то что выбор любой речевой стратегии определяется, прежде всего, мотивом и лингвопрагматическим планом будущего высказывания, который формируется исключительно на речемыслительном уровне. Именно поэтому следует отличать речевые стратегии, отвечающие за внешнесинтаксический план формирования высказывания, от стратегий речепорождения, которые наряду с речевыми стратегиями включают в себя и речемыслительные стратегии – наиболее скрытый от наблюдений стратегический потенциал говорящего. Однако ненаблюдаемость этих внутренних процедур вовсе не означает, что этих процедур нет, и их не следует исследовать. Наша задача – найти или разработать такие методы экспериментального исследования процессов речепорождения, которые позволили бы объективировать эти процессы на уровне конкретных процедурных шагов, а затем представить структуру и функциональный потенциал этих процедурных шагов в виде стратегий и тактик речепорождения.

Изучение стратегий речепорождения осложняется проблемой наличия в коммуникации не прямых (скрытых) речевых актов. В не прямых речевых актах слова и выражения обычно используются не в прямых, а в подразумеваемых значениях. Таких актов в естественной речи достаточно много. Для их анализа необходимо различать локуцию (то, что непосредственно говорится) и иллокуцию (то, что имеется в виду). Одна и та же иллокутивная интенция может быть воплощена в разных высказываниях, в том числе и в таких, которые, казалось бы, имеют совсем другой смысл. Скрытый (имплицитный) смысл – неявный, подразумеваемый, невыраженный смысл, открывающийся слушателю не сразу, а в результате некоторой мыслительной операции, интерпретации воспринятых им языковых единиц, высказываний, текстовых фрагментов по определенным правилам. Для описания неявного смысла высказывания или текста в целом используются термины *подтекст*, *намек*, *имплицитный смысл*, *имплицитная информация*, *скрытый смысл*. Из этих терминов слово *намек* представляется нам наименее адекватным для лингвокриминалистического анализа – это скорее нетерминологическое слово, которое имеет преимущественно бытовой характер и относится к обыденным ситуациям. Термин *подтекст* относится чаще к большим по объему текстам и описывает результат осмысления целого текста (обычно художественного). Термин *скрытый (имплицитный) смысл* представляется наиболее удобным для использования в лингвокриминалистике. Это обобщенное понятие, оно относится и к тексту, и к отдельному высказыванию. Скрытый смысл выражается автором текста с использованием языковых единиц и конструкций, при восприятии которых реципиентом легко реконструируются определенные, регулярно актуализируемые в данной культуре мыслительные (когнитивные) схемы интерпретации того или иного типа высказываний. При этом устанавливается содержательная эквивалентность выраженного в тексте эксплицитного (явного) значения языковых единиц и реконструируемого реципиентом скрытого смысла. Для лингвокриминалистики особенно существенно то, что не вся имплицитная часть семантики языковых выражений может быть интерпретирована как содержащая некие утверждения, а именно эта категория важна для анализа текста в лингвокриминалистике. Эксплицитные утверждения – это утверждения, которые несут информацию, непосредственно вытекающую из словарных значений употребленных в высказывании слов, то есть такие, содержание которых можно установить из поверхностной формы высказывания, непосредственно не проводя дополнительных смысловых преобразований. Имплицитные (скрытые) утверждения – это утверждения, содержание которых выявляется на основе дополнительного осмысления значения слов и выражений, входящих в высказывание, с учетом всего контекста и ситуации употребления этого высказывания. Вполне возможна ситуация, когда нечто в имплицитной части семантики языкового выражения есть, но вербализовать это в явной форме невозможно. Принято различать два вида скрытых смыслов – дискретные и недискретные. Дискретные скрытые смыслы – это скрытые смыслы, которые могут получить конкретную формулировку в виде однозначного утверждения. Недискретные скрытые смыслы – это смыслы, которые не могут быть сформулированы в виде конкретных утверждений, хотя общий скрытый смысл высказывания понятен.

Изучение стратегий речепорождения осложняется также проблемой наличия в речи говорящего контекстуальных значений слов. Контекстуальное значение слов во многом зависит от семантического и коммуникативного контекстов, от семантики сочетающихся в них слов. Отдельные значения слов отсутствуют в перечне их сло-

варных значений и приобретаются только в контексте в связи с особыми условиями их употребления. Это объясняется тем, что семантическая структура слова, то есть объем всех его значений, не исчерпывает всех смысловых возможностей, заложенных в слове. Иногда некоторые значения и оттенки значений реализуются только в контекстах. Контекстуальные значения не входят в смысловую структуру слова, а поэтому не фиксируются в словарях. Они имеют переходящий и непостоянный характер и приобретают свои семантические очертания только в данном контексте, а поэтому в других контекстах они теряют смысловую нюансировку. В связи с этим контекстуальное значение можно рассматривать как неустойчивую, подвижную, колеблющуюся в своем содержании категорию, которая возникает и реализуется в определенном, строго заданном контексте. Соответственно, прагматический анализ исследуемых слов или фраз должен строиться в двух аспектах: во-первых, в аспекте собственно прагматики (т.е. на уровне речи), где предполагается проанализировать внешние условия функционирования исследуемых речевых единиц в различных коммуникативных контекстах; во-вторых, в аспекте внутренней прагматики, в рамках которой должны быть проанализированы компоненты, отражающие основные черты контекстов, в которых используются исследуемые слова и фразы. В ходе анализа внешней прагматики (коммуникативной прагматики) исследуемых слов выявляется дифференциация лексики по основным параметрам контекста, ограничивающим употребление лексических единиц данного типа в данном типе ситуации. В ходе анализа внутренней прагматики (прагмасемантики) исследуемых слов выявляется типология прагматических компонентов, отражающих внутренние закономерности, которым подчиняется выбор и адекватное употребление той или иной единицы в процессе коммуникации.

Выводы. Таким образом, стратегии речепорождения – это общие и индивидуальные закономерности в реализации речемыслительной и речевой деятельности при порождении высказываний. Эти стратегии включают в себя глубинные психологические процессы речемыслительной деятельности, посредством которых происходит планирование речевой деятельности и ее переход от внутренней речи к внешней. Оптимально выработанные стратегии улучшают и оптимизируют процессы порождения речи, а при регулярном их использовании приводят к эффекту автоматизации. Общим в стратегиях порождения речи является принцип реализации речемыслительных операций, а индивидуальным – способы достижения цели, которые отличаются уникальностью и вариативностью и формируются в зависимости от пресуппозиционной, профессиональной, языковой и когнитивной компетентности говорящих, которая формирует операционный потенциал стратегий и тактик и стимулирует говорящих к порождению речи под индивидуальным углом зрения. Индивидуальные стратегии формирования высказываний основаны на выборе говорящим одного из возможных вариантов действия, направленного на оптимизацию способов перевода заложенной в высказываниях смысловой информации в доступную для слушателя форму. Результативность этого процесса во многом зависит от эффективности стратегий, которыми пользуются говорящие при порождении высказываний. Например, если говорящий осознал, что задуманное он не сможет выразить так, как он планировал, то в этом случае он попытается модифицировать порождаемое высказывание путем его смыслового или языкового упрощения. Таким образом, стратегии речепорождения – это комплекс процедур, посредством которых говорящий планирует высказывание в соответствии с мотивом, интенцией и коммуникативным замыслом,

программируют его на уровне глубинного пропозиционального смысла во внутренней речи, приводит в соответствие с семантическим планом высказывания, а затем с помощью адекватно отобранных языковых средств, синтаксических конструкций и схем предложений оформляет порождаемое высказывание по правилам внешнего синтаксиса. При этом, очевидно, что стратегии могут быть как *осознанными*, так и *автоматизированными*. *Осознанные стратегии* используются тогда, когда говорящие испытывают определенные интеллектуальные или коммуникативные затруднения, связанные с формулированием общего замысла высказывания и переводом внутреннего плана высказывания во внешний, подбором нужных слов или грамматических конструкций. С помощью осознанных и корректно избранных компенсаторных стратегий говорящему удастся устранить возникшие трудности и построить высказывание в точности с его коммуникативным замыслом. *Автоматизированные стратегии* делятся на две группы. Первую группу составляют общие, универсальные стратегии, которыми пользуются или пытаются пользоваться все говорящие независимо от уровня их когнитивного, интеллектуального и речевого развития. Вторую группу образуют стратегии, которые присущи только опытным коммуникантам и которые актуализируются благодаря их речевому опыту и частым контактам с подобным или аналогичным речетекстовым материалом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ССЫЛКИ

1. Глухов В. П. Основы психолингвистики: учебное пособие для студентов педвузов. М.: АСТ: Астрель, 2005.
2. Лебединский С. И. Стратегии понимания устной научной речи: дисс. на соиск. уч.ст-ни д-ра филол. наук: 10.02.19. Минск, 2018.
3. Лебединский С. И. Восприятие устной научной речи: стратегии сегментации звучащей речи и идентификации терминов. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2008.
4. Лебединский С. И. Восприятие устной научной речи: стратегии понимания смысловой информации на уровне микро- и макротекстов. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2009.
5. Лебединский С. И. Стратегии смыслового восприятия и интерпретации устной иноязычной научной речи. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2014. 296 с.
6. Лебединский С. И. Стратегии понимания устной научной речи: экспериментальное исследование. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2017.
7. Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учебник. М. : Издат. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1999.
8. Cohen A. D. Using verbal reports in research on language learning // Introspection in second language research // Faerch C., Kasper G. (Eds.). Clevedon: Multilingual Matters, 1987. P. 82-95.
9. Larsen-Freeman D., Long M. H. An introduction to second language acquisition research. London; New York: Longman, 1993.
10. Хасиева М. Г. Стратегии овладения иноязычной лексикой учащимися в условиях чеченско-русского билингвизма // Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (часть 9). С. 2019-2023.
11. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил, 2006. 121 с.
12. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия [Учеб. пособие для ун-тов и ин-тов]. М.: РИПОЛ Классик, 2002.
13. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика: [более 900 понятий и терминов]. М.: Флинта: Наука, 2003.

14. Dijk T. A. van. Strategies of discourse comprehension. New York : Academic Press, 1983.
15. Дейк Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. М., 1988. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. С. 153-211.
16. Рахматуллаева М. Т. Типология речевых стратегий // Вестник КазНУ. Сер. Лингвистика. Речь. Языкознание. Алматы, 2015 (Электронный ресурс). Код доступа: <https://articlekz.com/article/23488>. Дата доступа: 08.08.2020.
17. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003.
18. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151-197.
19. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 22-140.
20. Шмелёва Т. В. Речевой жанр: возможности описания и использования в преподавания языка // Русистика. Берлин, 1990. С. 20-32
21. Лебединский С. И. Теория обучения русскому языку как иностранному: психолого-лингвистические и лингвометодические аспекты: учеб. пособие для студентов спец. 1-21 05 02 05 «Русский языка как иностранный». Минск : Белорус. гос. ун-т, 2005.
22. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ; под ред. В. И. Герасимова. М. : Прогресс, 1989.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЁМОВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Л. С. Андреева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, andydandy2000@gmail.com*

Статья посвящена роли приемов визуализации в обучении русскому языку как иностранному; дается определение понятия «визуализация» и характеристика отдельных ее приемов.

Ключевые слова: визуализация; приемы визуализации; интеллект-карты; скрайбинг; облако слов.

THE USE OF METHODS OF VISUALIZATION OF EDUCATIONAL INFORMATION IN TEACHING STUDENTS RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

L. S. Andreeva

*Belarusian State University, 4, Niezaliežnasci Avenue,
220030, Minsk, Belarus, andydandy2000@gmail.com*

The article is devoted to the role of visualization techniques in teaching Russian as a foreign language; the definition of the concept of "visualization" and the characteristics of its individual techniques are given.